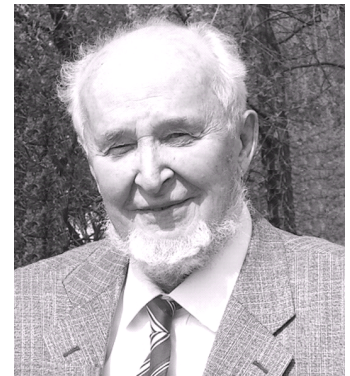

Голубиная книга. Фрагмент. Художник Н.К.Перих. 1922

УДК 821.161.1

Чельшев Е.П.

Ветвь на общем стволе. О литературном наследии российской эмиграции

Чельшев Евгений Петрович, доктор филологических наук, профессор, академик РАН, член Президиума РАН, сопредседатель Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заместитель председателя Совета по русскому языку при Президенте Российской Федерации, член бюро Индийского философского общества, член Азиатского общества (Калькутта)

Статья посвящена проблемам места и роли литературы русской эмиграции «первой волны» в мировой и отечественной культуре, единства русской национальной литературы, а также исторической значимости возвращения на постсоветское культурное пространство русской литературы в изгнании.

Ключевые слова: литературное наследие, русская эмиграция, литературная критика, русистика.

...Зарубежная русская литература есть временно отведенный в сторону поток общерусской литературы... И воды этого отдельного, текущего за рубежом России потока, пожалуй, больше будут содействовать обогащению этого общего русла, чем воды внутрироссийские.

Глеб Струве

[Литература в изгнании] не сумела во всей глубине пережить собственную свою трагедию... (она) словно искала уюта среди катастрофы, покоя - в бурях, и за то поплатилась: в ней воцарился дух благополучия, благодушия, самодовольства, дух мещанства.

Владислав Ходасевич

Одной из важных составных частей литературного наследия России является литература русской эмиграции, которая в течение многих лет в нашей стране находилась под запретом. За последние годы наши

ученые немало сделали для ее исследования. Рассматривая русскую литературу в изгнании, нельзя не заметить, что русские писатели-эмигранты жили и творили в иной, весьма отличной от России, этнокультурной среде. Закономерен поэтому вопрос, насколько влияла на них среда и литература той страны, в которой они жили. Проблема взаимодействия русской литературы с литературами тех стран, где она создавалась, заслуживает серьезного внимания. Однако при всей значимости эта проблема продолжает оставаться малоизученной. Существует точка зрения, что на творчество русских писателей-эмигрантов литература страны пребывания какого-либо серьезного влияния не оказывала. «Не произошло и настоящего стыка между молодыми писателями зарубежья и литературной жизнью Запада. Поскольку отдельные из них в конце концов вошли в нее, они оказались более или менее потеряны для литературы русской»¹, – отмечал Г.Струве. В.Набоков объяснял это изолированностью эмиграции от культурной среды обитания и отсутствием интереса у представителей этой среды к чужеродной для нее литературе. По словам С.Карпинского, отношение на Западе к русской эмигрантской литературе представляло собой «смесь враждебности и настороженного безразличия»². Этими же причинами, видимо, можно объяснить и мнение известного исследователя русского зарубежья П.Ковалевского о том, что «почти никакого влияния русская литература зарубежья на развитие мировой литературы не оказала»³.

Такого рода точки зрения противоречат мнению американской русистки Т.Пахмусс, утверждавшей, что «русское интеллектуальное сообщество находилось в тесном контакте с французской литературой в период с 1920 по 1939 г.»⁴, немецкого ученого В.Хайде о русском эмигранте поэте-символисте, переводчике и литературоведе Л.Л.Кобылинском-Эллисе, как о посреднике между русской литературой и немецкоязычными читателями Оставаясь верной национальным истокам, русская литература «не находилась в изоляции от духовного опыта других народов»⁵, – отмечает О.Михайлов. Второй духовной родиной для В.И.Иванова стала Италия, которая вошла также в художественный мир и Б.К.Зайцева, и М.А.Осоргина, и П.П.Муратова, Индия стала второй духовной родиной для Н.К.Рериха. Проблема взаимодействия русской эмиграции с зарубежной литературой и средой должна занять достойное место в наших исследованиях.

В развитии русской литературы, как известно, всегда большую роль играла идейно-литературная борьба, которая приобрела особую остроту среди русских писателей-эмигрантов, когда русская литература оказалась искусственно разделенной. «Речь шла о самой возможности существования литературы в изгнании, в отрыве от родины, от русских тем, от развивающегося языка, и прежде всего о возможности смены для обреченного на смерть старшего поколения», – писал Глеб Струве⁶. Путь развития русской литературы в изгнании можно понять лишь в контексте тех споров, которые и сегодня не потеряли своей актуальности.

Особое значение приобретает проблема преемственности, художественного развития литературы, сопоставление литературы метрополии и диаспоры, причем не в пространственно-географическом, а в культурно-историческом, идейно-эстетическом плане, предусматривающем анализ соотношения классической и новой литературы, всей суммы литературно-классических и философских концепций как с той, так и с другой стороны.

В дискуссиях о путях развития русской литературы в СССР и за рубежом вряд ли следует повторять имевшее место в прошлом противопоставление двух ветвей русской литературы. Важнее определить, как эти ветви сплетаются и развиваются, наполняясь соками одного и того же дерева. «Но, к счастью, эмигрантская литература лишь ветвь на общем стволе, – писал известный литератор русского зарубежья Марк Слоним. – Она жива постольку, поскольку жив ствол; она питается соками. Она расцветает, если обмен этот жив и полон, и засыхает, едва он прекращается»⁷. Инициатива такого противопоставления принадлежала сторонникам жесткого классового подхода – советским литераторам, у которых ненависть к дореволюционной России переносилась и на ее культуру. Но она была воспринята и непримиримыми апологетами белой идеи, которые считали и открыто провозглашали, что «увезли с собой Россию», а на ее прежнем месте оставалась, но их представлениям, лишь «дикая большевистская степь». Подобные идеи были ничем не лучше того, что писал, например, А.Луначарский о Пушкине, Гоголе, Достоевском, считая, что если все же они остались великими, то вопреки той проклятой старой России, и все, что в них есть пошлое, ложное, недоделанное, слабое, все это дала им она. И это о русских классиках... А о тех русских писателях, которые предпочли Советскому Союзу жизнь в изгнании, говорилось не иначе, как о «белогвардейцах», «изгоях», «гнилых европейцах», «иностранных шпионах» и т.д.

В Советском Союзе вообще, как правило, русская литература в изгнании игнорировалась. Редко можно было встретить в советской критике упоминания о ней. Мало кто из советских писателей имел возможность следить за творчеством своих зарубежных коллег, и еще реже кто-то из них отваживался давать ему объективную оценку. И даже у мыслящих советских критиков господствовало представление об ущербности русской эмигрантской литературы. Так, в статье А.Вронского «Десятилетие Октября и советская литература» говорилось, что в произведениях писателей русского зарубежья «нет дыхания эпохи». Впрочем, аналогичные мысли нередко выражали

¹ Струве Г. Русская литература в изгнании. Paris, 1984. С. 202.

² Мулярчик А.С. Литература русской эмиграции во взаимодействии с культурой стран Запада // Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940. М., 1994. Кн. 2. С. 244.

³ Там же. С. 245.

⁴ Там же. С. 246.

⁵ Михайлов О.Н. Пролог // Литература русского зарубежья 1920–1993. М., 1993. С. 76.

⁶ Струве Г. Указ. соч. С. 200.

⁷ Слоним М. Живая литература и мертвые критики // Литература русского зарубежья. М., 1990. Т. 1. Кн. 2. С. 383

Глеб Петрович Струве (1898–1985), поэт, литературный критик и литературовед, переводчик

Марк Львович Слоним (1894–1976), писатель, публицист, критик

Георгий Викторович Адамович (1894–1972), поэт, литературный критик, переводчик

и сами русские литераторы и изгнания. Так, например, М.Слоним считал, что «будущее русской литературы на советской стороне, а зарубежная литература обречена, и старался примирить и молодых интерес и вкус к советской литературе»¹. Г.Адамович утверждал, что литература «не может питаться ни только воспоминаниями, ни только воображением... ей нужна помощь жизни» и что задача зарубежной литературы скромная – «додержаться до лучших дней, то есть до возвращения в Россию»². Трагедию русской зарубежной литературы В.Ф.Ходасевич видел «в отсутствии молчаливого стоящего читателя», что, по его мнению, должно привести к ее «гибели»³.

Г.Адамович был одним из немногих литераторов русского зарубежья, кто, по словам Г.Струве, сожалел о том, что русская литература в изгнании «не сумела» наладить «разговор с Россией». «Если бы только она пожелала и сумела говорить! И какая возникла бы связь!», – замечал Адамович⁴. Тему «пафоса общности» Георгий Викторович, «которого многие считали и считают самым тонким критиком в эмиграции»⁵, развивал в течение многих лет... «Жаль становится все-таки, что диалога с Советской Россией в эмигрантской литературе не налажилось. Или хотя бы – монолога, туда обращенного, без надежды и расчета на внятный ответ, с одним лишь вычитыванием между строк в приходящих оттуда книгах»⁶. Однако, по мнению Г.Струве, диалога, о котором мечтал Г.Адамович, состояться не могло, так как для него «...необходимы две стороны с одинаковой волей к разговору»⁷. Но если не состоялся прямой «диалог» между литературами метрополии и диаспоры, не возник между ними и «пафос общности», о чем сожалеют Г.Адамович и Г.Струве, то, по мнению О.Михайлова, существовало «взаимовлияние, какое происходило, несмотря на все идеологические запреты, в единой и не делимой русской литературе XX столетия»⁸. О.Михайлов подчеркивает «непрекращавшееся воздействие Бунина-художника на писателей метрополии, начиная еще с "молодой среды"» (В.А.Пильняк, В.Г.Лидин и др.), и продолжавшееся в 20-е и 30-е годы (И.С.Соколов-Микитов, В.П.Катаев)⁹. О.Михайлов далее приводит слова М.А.Шолохова из его выступления перед читателями в Ростове-на-Дону в 1934 г.: «Бесспорно, я люблю Толстого, поэтому, возможно, есть и его влияние. Но больше всего на меня влияет Иван Бунин – это большой мастер своего дела»¹⁰. По мнению О.Михайлова, это признание советского писателя, сделанное им через год после того, как Бунин стал первым русским Нобелевским лауреатом в области литературы, «придает словам Шолохова дополнительную смелость и остроту». «В литературном процессе бунинский опыт, его принципы и художественные открытия в поэзии и прозе, – пишет О.Михайлов, – продолжают воздействовать на разновеликих по таланту писателей...»¹¹. Как отмечал А.Т.Твардовский, «опыт этот не прошел даром для многих наших мастеров, отмеченных – каждый по-своему – верностью классическим традициям русского реализма...» В статье, написанной в 1965 г., Твардовский назван В.Белова и В.Лихоносова «нащупывающими свою дорогу не без помощи Бунина»¹². «В моей собственной работе, – продолжает Твардовский, – я многим обязан И.А.Бунину, который был одним из самых сильных увлечений моей юности». Говорят также о влиянии А.М.Ремизова на «литературный авангард», в частности, на «орнаментальную прозу» 20-х годов, на творчество Е.И.Замятина, литераторов из содружества «Серапионовы братья» (К.А.Федин, М.М.Зощенко, В.В.Иванов), раннего Л.М.Леонова, Б.А.Пильняка¹³.

¹ Цит. по: Струве Г. Указ. соч. С. 211

² Там же. С. 203.

³ Там же. С. 209.

⁴ Там же. С. 204.

⁵ Там же. С. 202.

⁶ Там же. С. 204.

⁷ Там же. С. 205.

⁸ Михайлов О. Указ. соч. С. 73.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 74.

Владислав Фелицианович
Ходасевич (1886–1939),
поэт и критик

литература противопоставить «Жизни Арсеньева» Бунина, зарубежному творчеству Ремизова, лучшим вещам Шмелева, историко-философским романам Алданова, поэзии Ходасевича и Цветаевой, да и многим из молодых поэтов и оригинальнейшим романам Набокова»⁴.

За несколько десятилетий было создано немало талантливых художественных произведений и в зарубежной русской и советской литературе. Довольно трудно и вряд ли перспективно пытаться определить, какое из них более эстетически ценно, какая ветвь общенациональной русской литературы выглядит привлекательнее, плоды какой из них вкуснее и сочнее, цветы ярче и ароматнее. Тут дело вкуса, а литература не обладает какими-то абсолютными бесспорными критериями и оценками.

Можно, например, со всей определенностью сказать, что в отличие от советских критиков литераторы российского зарубежья точнее и смелее определяли водораздел, отделявший в советской литературе правду от фальши, писателей-приспособленцев от подлинных художников. Их оценки истории советской литературы звучат злободневно особенно сейчас, когда некоторые писатели становятся объектом огульной критики. По словам Г.Адамовича, в советской литературе «нетрудно различить между пафосом искренним и поддельным. Есть в некоторых новых русских книгах увлечение подлинное»⁵. Хотя среди советских писателей было немало приспособленцев, циников, карьеристов, для которых не было ничего святого. Приведу лишь несколько высказываний литераторов российского зарубежья, которых вряд ли можно заподозрить в симпатиях к коммунизму.

О А.М.Горьком, которого сейчас нередко пытаются дискредитировать как художника и человека, вывести за пределы классической литературы, представить как приспособленца к тоталитарному режиму, в свое время писал Юрий Анненков: «Несмотря на критическое отношение к Горькому со стороны многих зарубежных российских литераторов, Горький... был и останется большим писателем и великодушным человеком... Ни в коем случае Горький не мог быть провозвестником "официальной" формы искусства, выдвинутой государством коммунистическим или пролетарским... Идеиную подчиненность он считал оскорблением для человека»⁶.

«Пора прекратить постоянное пошлое зубоскальств над Горьким и понять, что Горький-художник принадлежит не коммунистической партии, а всей мыслящей и культурной России. И эта Россия от Горького не отказывается и безразличным для себя его считать не может», – писал Марк Слоним⁷.

Не хочу приводить здесь всю ту критику, в том числе и недостаточно объективную, а иногда и зашугательскую, которой за последние годы подвергался в нашей стране В.В.Маяковский, и не хочу вступать в спор со всеми теми, кто пытался «расправиться с Маяковским». Сошлось лишь на некоторые высказывания о нем русских писателей-эмигрантов или тех, кого нельзя считать сторонниками коммунистических идей.

Рассказывая о Маяковском, о встречах и беседах с ним, о его трагической судьбе, также вопреки негативному отношению к нему со стороны некоторых русских зарубежных писателей, Ю.Анненков замечает: «Чувство дружбы и уважения к Маяковскому до сих пор живы во мне. Я никогда не скажу о нем ничего дурного»⁸. Интересные мысли об отношении художника к революции им сказывает Ю.Анненков в главе о Борисе Пастернаке, который, по его словам, «встретил революцию как многие из нас – художников, писателей, поэтов, людей искусства, как Александр Блок, как Сергей Есенин, как Владимир Маяковский, – скорее фантастически, как стихийный порыв, как метель, как музыку. Он (впрочем, тогда еще далеко не один) решил

¹ Струве Г. Указ. соч. С. 207.

² Там же. С. 206.

³ Там же. С. 208.

⁴ Там же. С. 7.

⁵ Там же. С. 203.

⁶ Анненков Ю. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. Париж, 1966. С. 55.

⁷ Слоним М. Указ. соч. С. 386.

⁸ Анненков Ю. Указ. соч. С. 183.

героически остаться русским писателем на своей родине и творить, выражая свои собственные мысли, свои собственные чувства, не подчиняясь ничьей дирижерской палочке... Писатели, поэты, живописцы, композиторы, старавшиеся удержаться в Советском Союзе на внеполитических (или надполитических) позициях, были вскоре заклеены кличкой "внутренних эмигрантов"¹. В книге приводится длинный список таких писателей, либо покончивших жизнь самоубийством, либо репрессированных.

«Когда пора политических оценок пройдет и художественная критика снова попытается быть беспристрастной, тогда за отменением поэтического мусора в числе оставшихся окажутся на равной степени признания и "белогвардейка" Марина Цветаева, и "коммунист" Владимир Маяковский... Он был талантлив, это признавали и его враги...», – отмечал Михаил Осоргин²; «Маяковский стал певцом революции потому, что сам, по темпераменту, по психологии, был бунтарем и революционером... Маяковский был настоящим поэтом, обладающим редкой изобразительностью и эмоциональной насыщенностью стиха, введший в поэтическую речь звучный, захлестывающий ритм, тот болевой мажор, который всегда придает его вещам крепость и остроту», – писал Марк Слоним³. «И оборачиваться на Маяковского нам, а может быть, и нашим внукам, придется не назад, а вперед... Этими своими быстрыми ногами Маяковский ушагал далеко за нашу современность и где-то за каким-то поворотом долго еще нас будет ждать», – писала Марина Цветаева⁴. Какими мелкими, ничтожными представляются в свете этих высказываний все те критики, которые пытаются развенчать Маяковского, снести его с пьедестала отечественной поэзии, мировой литературы.

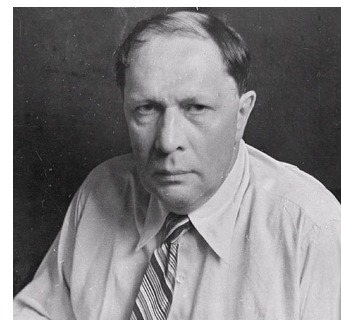
Много споров за рубежом вызывал Алексей Толстой. Известно высказывание о нем И.Бунина, который, прочтя роман «Петр Первый», написал его автору: «Алеша! Хотя ты и ..., но талантливый писатель. Продолжай в том же духе». Многозначие в письме И.Бунина по сути дела дешифрует сам автор «Петра Первого» в беседе с Ю.Анненковым. Содержание беседы имеет отношение не к одному лишь Алексею Николаевичу, поэтому я позволю себе привести выдержку из нее. «Я циник, – смеялся он. – Мне на все наплевать! Я простой смертный, который хочет жить, хорошо жить и все тут. Мое литературное творчество? Мне на него наплевать! Нужно писать пропагандистские пьесы? Черт с ним, я и их напишу! ... Я уже вижу передо мной всех Иванов Грозных и прочих Распутиных республиканцами, ставшими марксистами и православными... Эта гимнастика меня даже забавляет. Приходится действительно быть акробатом»⁵. Циничные признания классика советской литературы в беспринципности, всеядности, в отсутствии каких-то устойчивых творческих, идейных и нравственных позиций, «пафоса искренности», по словам Г.Адамовича, вряд ли могли способствовать укреплению авторитета советской литературы за рубежом. Тем не менее, по словам Ю.Анненкова, ряд произведений А.Толстого «независимо от политических нюансов, предписанных партией и правительством ("социальный заказ"), неоспоримые свидетельства очень крупного таланта их автора»⁶.

Литературная критика российского зарубежья, таким образом, помогает правильно расставить акценты в оценках советской литературы. Больше тот многие произведения русских зарубежных писателей могут служить в настоящее время своего рода нравственным ориентиром для многих россиян, для отечественных писателей, ощущающих растущее чувство разочарования, неуверенности, порой безнадежности и отчаяния. Мы уже приводили слова И.Бунина, относящиеся к послереволюционной России, с не меньшим основанием их можно отнести и к России постсоветской, оказавшейся в тяжелейшем положении: разрушение единого государства, созданного трудом многих поколений россиян, и как следствие этого, обострение социально-экономического кризиса, межнациональных конфликтов, нравственной деградации общества... Планы обновления, создания цивилизованного демократического общества, к сожалению, реализуются медленно и пока что большей частью остаются благими пожеланиями.

Катастрофичность бытия не может не сказаться и на литературе, что проявляется в разорванности единого художественного самосознания народа, спада творческой активности писателей: одни теряют почву под ногами, опускают руки, в то время как другие присоединяются к хору осквернителей прошлого, пытаясь хаос и анархию в нашей стране выдать за подлинную демократию; одни пытаются приспособиться к требованиям коммерциализованной культуры, к так называемому «дикому рынку», оборачивающемуся пока что развалом единой хозяйствен-

Юрий Павлович Анненков (1889–1974), живописец и график, художник театра и кино, заметная фигура русского авангарда, литератор

Алексей Николаевич Толстой (1882/83–1945), советский писатель и общественный деятель, лауреат Сталинских премий (1941, 1943, 1946 – посмертно)

¹ Там же. С. 155–156.

² Осоргин М. Литературное обозрение. 1992. № 3-4. С. 36.

³ Слоним М. Два Маяковских // Литературное обозрение. 1992. № 3-4. С. 40.

⁴ Цветаева М. Эпос и лирика современной России // Новый град. 1933. № 6–7. С. 29.

⁵ Анненков Ю. Указ. соч. С. 149.

⁶ Там же. 150.

ной системы, обнищанием народа, разбазариванием и разворовыванием национальных богатств, другие покидают родину в надежде найти пристанище за рубежом, присоединяются к новой, «четвертой волне» эмиграции.

Михаил Андреевич Осоргин (1878–1942), писатель, журналист

Борис Константинович Зайцев (1881–1972), писатель и переводчик

Требуются огромная сила воли, терпение, выносливость, выдержка, любовь к родине, которая тяжело больна, для того чтобы найти «путь к храму», спасти отечество, выйти на дорогу к новой жизни. И как тут не оглянуться назад, на русскую литературу в изгнании. Ведь даже ограбленные, оскорбленные, и изгнанные из России, объявленные ее врагами лучшие ее сыны и дочери сохраняли любовь к родине, веру в ее возрождение. Чувства эти, которые они про несли через всю свою жизнь, нашли выражение в творчестве многих русских писателей, деятелей культуры, познавших все трудности жизни в эмиграции. Они являются для нас сегодня примером высокой нравственности, величия духа, беззаветной преданности и любви к отчизне. Таких примеров множество). Я позволю себе привести лишь некоторые из них: «Но твоей Голгофы не покину, от твоих могил не отрекусь, dokonает голод или злоба, но судьбы не изберу иной...», – писал Максимилиан Волошин. «Мое счастье не в том, чтобы я, чтобы мы увидели Россию возрожденной, свободной, а в том, чтобы таково было ее будущее!», – писал Михаил Осоргин¹. Размышляя о будущей России в своем «Слове о Родине», посвященном 950-летию Крещения Руси, Борис Зайцев писал: «...Исходя именно из всего своего духовного прошлого... истинная Россия есть страна милости, а не ненависти»². Федор Шаляпин говорил: «Отчизну мою обожаю. И обожание это ношу и буду носить в сердце моем до гробовой доски»³. «Сестра моя и мать! Жена моя Россия», – писал Константин Бальмонт. И это все не о России, «великом, ломившемся от всякого скарба доме», а о России униженной, поруганной, оказавшейся чужбиной, но поэтому еще более дорогой, родной и близкой. Нет ли в этих чувствах и настроениях переключки с идеями русского национального самосознания К.Леонтьева и И.Ильина, с концепцией Ф.Достоевского «всечеловечности» русской культуры, раскрывающих лучшие черты русского национального характера?

Каким бы ни было государственное устройство в нашей стране, русская культура будет сохранять центрообразующее место в жизни ее народов, и от ее состояния будут зависеть как оптимистические, так и пессимистические прогнозы нашей жизни, нашего государственного развития. Но, к сожалению, исследования спектра проблем русской культуры оставляют желать лучшего. Наши гуманитарные науки по ряду позиций русистики (этнография, фольклор, краеведение, история отечественной общественной мысли, искусствознания, языкознания и, конечно, прежде всего культурное наследие российской эмиграции), зачастую, по независящим от нас причинам, теряют свои позиции. Русскую проблематику в недавнем прошлом заслоняли такие, считавшиеся приоритетными проблемы, как изучение диалектического единства национального и интернационального в советской литературе, разработка теории социалистического реализма, идеологическая борьба против буржуазной советологии и т.д. Разработка настоящей темы – реальный вклад в развитие нашей русистики, русской, российской культуры.

Таким образом, правильное представление о единой русской литературе можно получить лишь путем сопоставления обеих ее ветвей, для чего требуется и принципиально новый взгляд на историю советской литературы. Сегодня, когда у нас происходят сложные социально-экономические, духовные процессы, требующие переосмысления исторического, экономического и культурного развития России после 1917 г., особую важность приобретает переосмысление истории русской советской литературы, определения в ней всего наиболее художественно значимого. Нельзя отрицать, что многие труды по истории русском советской литературы прошлых лет, как общеметодологического характера так и по отдельным конкретным проблемам ее развития, оказались несвободными от серьезных недостатков и, прежде всего, от догматизма, идеологизации политической конъюнктуры. Жесткий классовый подход упрощал, схематизировал закономерности развития литературы, преувеличивал и преуменьшал и ней место различных писателей, творчество которых оценивалось с идеологических позиций, насильственно отсекая все, что не укладывалось в так называемую эстетику социалистического реализма. В итоге в истории литературы зачастую на первый план выдвигалось художественно малозначимое, конъюнктурное, неперспективное; в то же время оказывались неверно оцененными, не достаточно изученными или вовсе неизвестными целые пласты литературы, творчество многих интересных и значительных художников.

И ныне допускаются различного рода спекуляции на этой сложной проблеме, когда, например, утверждается, что подлинной русской литературой является лишь литература русского зарубежья, а все, что было создано в Советском Союзе, не заслуживает серьезного внимания как читателей, так и исследователей. Иногда

¹ Осоргин М. Современные записки. 1992. № 13. С. 252.

² Зайцев Б. Слово о Родине // Прометей. М. 1990. № 16. С. 372.

³ Цит. по: Чельшев Е.П. Избранные труды: В 3 т. / Е.П.Чельшев; Отд-ние лит. и яз. РАН. М., 2001. Т. 2: Русская культура в мировом контексте. 2002. С. 242.

привлекается внимание к тому или иному произведению искусства не из-за его эстетической значимости, а по каким-то иным, субъективным обстоятельствам, подлинная ценность затушевывается, отступает на задний план заслоняется судьбой, биографией автора, требованием моды, ображениями политики, идеологии и т.д. Нет нужды говорить, что это обратная сторона прошлой идеологизации, имеющая с объективной наукой мало общего. Более плодотворным, исторически корректным, научно обоснованным выглядит подход к русской литературе как к единой художественной системе – при всем различии порой противоположности эстетических и особенно идеологических взглядов, идейных принципов, разнонаправленности векторов ее развития, художественных тенденций; утверждение целостности литературы как проявления общности судьбы народа России, ее духовной культуры.

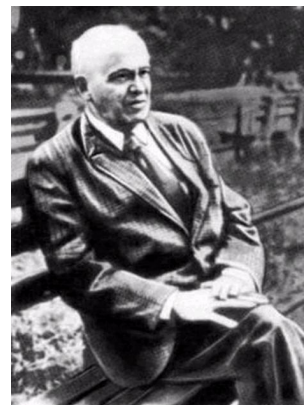
Возникают многие трудности, связанные с тем, что «старая» методология сегодня не работает, а новой – нет... Такой методологический вакуум на практике приводит к двум крайностям: либо к созданию новых мифов, догм и схем взамен старых, часто по принципу «наоборот», либо к уходу в эмпирику, в культ факта как такового, отказу от концептуального мышления, от осмысления наиболее общих закономерностей литературного развития. Следует поэтому интенсифицировать работу по возвращению в Россию наиболее художественно значимой, отторгнутой от нее литературы, так как отсечение от русской литературы творчества многих выдающихся писателей-эмигрантов искажало всю историю современной русской литературы. Лишь строгий научный анализ сможет определить подлинную, а не мнимую ценность тех или иных художественных произведений, без преувеличения их истинной значимости, без шарашаний в ту или иную сторону.

Восстановить истину в освещении исторических событий, видимо, все же легче, чем изменить глубоко запечатлевшиеся в сознании образы художественной литературы и искусства «социалистического реализма». Борцы за народное дело – красные – всегда были героями положительными, которые должны были вызывать у читателей и зрителей чувства восхищения и преклонения. Образы лихого комдива Чапаева у Фурманова, партизанского командира Левинсона у Фадеева, народного командарма Кожуха у Серафимовича, комсомольского вожака-буденновца Павла Корчагина у Н.Островского, обаятельный образ мужественного советского разведчика, пробравшегося в штаб денкинских войск, из телесериала «Адъютант его превосходительства», отважные советские разведчики из другого телесериала – «Операция "Грест"», часто демонстрировавшихся по советскому телевидению в 70-е–80-е годы, вошли в плоть и кровь нескольких поколений советских людей.

Мужественные, справедливые, беззаветно преданные делу революции, они противопоставлялись белым, контрреволюционерам – душителям свободы, злобным, коварным врагам трудового народа. Равнодушными к народному горю буржуями, жестокими белогвардейцами, демагогами из оппозиционных большевикам политических партий, озлобленными на свой народ белоэмигрантами (беспринципный демагог Керенский, изувер-бандит батька Махно, авантюрист Борис Савинков и т.п.) – такими образами были переполнены советская литература и искусство. Они должны были вызывать лишь отрицательные эмоции у читателей и зрителей.

Редкими исключениями в советской литературе были вызывающие симпатии герои из «стана врага»: Алексей Турбин и другие булгаковские герои да шолоховский Григорий Мелихов. Мало кто из советских писателей, деятелей искусства мог отважиться выйти за пределы дозволенного. Нарушение классовых принципов в литературе и искусстве сурово каралось.

Литература российского зарубежья разрушает многие годы существовавшие и Советском Союзе стереотипы врагов советской власти, всех тех, кто противостоял красным, с кем вели борьбу войска Буденного, Фрунзе, Щорса, Чапаева, Котовского, Пархоменко, многие другие прославленные в литературе и искусстве герои гражданской войны. Образы участников Белого движения получали, как правило, одностороннюю негативную трактовку в романах «Хождение по мукам» и «Хлеб» А.Толстого, в пьесах «Бронепоезд 14-69» В.Иванова, «Любовь Яровая» К.Тренева и т.д. и т.п. Лишь недавно наши читатели получили доступ к четырехтомной эпопее генерала П.Н.Краснова «От Двуглавого Орла к красному знамени (1921–1922)», в которой на широком национально-историческом фоне времени царствования Николая II раскрывается трагическая судьба русских офицеров, многие из которых стали жертвами гражданской войны; к произведениям Романа Гуля, к стихам Марины Цветаевой из «Лебединого стана» и Максимилиана Волошина из «Стихов о терроре», к мемуарам генералов Деникина и Врангеля и многим другим произведениям, в которых не в искаженном свете, а во всей своей трагической реальности описываются подвиги тех, кто стоял на стороне Белого движения, павших на поле брани: Корнилова, и Маркова¹, и Неженцева², и многих других русских офицеров, для которых понятие чести и долга были дороже жизни.

Роман Борисович Гуль (1896–1986), писатель, журналист, публицист, критик, мемуарист, общественный деятель. Участник Гражданской войны и Белого движения

¹ Марков Сергей Леонидович (1878–1918), русский военачальник, генерал-лейтенант Генерального штаба. Участник русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. Один из лидеров Белого движения и организаторов Добровольческой армии. Кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени, обладатель Георгиевского оружия. – *Прим. ред.*

² Неженцев Митрофан Осипович (1886–1918), полковник Генерального штаба. Участник Первой мировой и гражданской войн. Активный участник Белого движения. Кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени, обладатель Георгиевского оружия – *Прим. ред.*

Иван Сергеевич Шмелев (1873–1950), писатель

Евгений Николаевич Чириков (1864–1932), писатель, драматург, публицист

Мы сейчас только начинаем по-настоящему осознавать, какой вред нанес классовый подход к нашей художественной культуре и как трудно здесь восстановить истину, но вряд ли правомерно сейчас менять плюсы на минусы, героев превращать в антигероев, развенчивать советских императоров тех художественных произведений, в которых отражаются события революции и гражданской войны.

Напомню в этой связи принципиально важную мысль М.Осоргина о том, что в гражданской войне «были и бились между собой две правды»¹. Несомненно, что мысль эта была не в чести в Советском Союзе, далеко не все и из русской эмиграции могли солидаризироваться с таким мнением М.Осоргина. Слишком еще свежа была память о прошлом, об унижениях и оскорблениях, которые пришлось претерпеть, о разрушении России и осквернении ее святынь. Видимо, поэтому Г.Струве считал, что М.Осоргин усиленно проповедовал аполитичность. Вряд ли могла, например, согласиться с Осоргиным З.Гиппиус, написавшая в те годы: «Повесим их в молчании». А Иван Шмелев писал тогда: «...Недавно бились они открыто, Родину защищали. Родину и Европу защищали на полях прусских и австрийских, в степях российских. Теперь, замученные, попали они в подвалы. Их засадили крепко, морили, чтобы отнять силы. Из подвалов их брали и убивали»². Такая же участь постигла и сына И.Шмелева. Мог ли он тогда согласиться с М.Осоргиным? Ближе к М.Осоргину позиция Е.Чирикова. Устами одного из своих героев, белого офицера, досыта нахлебавшегося кровью в братоубийственной войне, писатель говорит: «Не верю белым, ненавижу красных и тоже не верю им... Просто не верю! Все идеи потонули в грязи и крови. Одни обманывают, другие обманываются и все вместе занимаются убийствами, разбоями и разрушением... И не только сами занимаются, а еще принуждают к этому и все население»³.

Видимо, и сегодня мысли М.Осоргина кому-то не покажутся бесспорными. Тем не менее эта позиция заслуживает внимания, особенно сейчас, когда мы с исторической дистанции рассматриваем события прошлого, оцениваем гражданскую войну как общенациональное бедствие, стремимся к согласию и, в частности, пытаемся представить русскую литературу метрополии и в изгнании как две ветви единого дерева.

Русская литература из эмиграции возвращается на родину. Ликвидируются не только белые пятна в истории русской литературы; она перестает быть искусственно расчлененной, обретает присущую ей целостность, становится единой русской национальной литературой. Ее становление обусловлено взаимодействием не только литературных, но и других факторов, определяющих особенности историко-культурного развития метрополии и российской диаспоры. Впереди задача создания единой истории русской литературы XX в., решить которую можно лишь совместными усилиями ученых, литераторов, культурологов и философов, занимающихся как советской культурой, так и культурой России в изгнании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненков Ю. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. Париж, 1966.
2. Зайцев Б. Слово о Родине // Прометей. М., 1990. № 16.
3. Струве Г. Русская литература в изгнании. Paris, 1984.
4. Михайлов О.Н. Пролог // Литература русского зарубежья 1920–1993. М., 1993.
5. Мулярчик А.С. Литература русской эмиграции во взаимодействии с культурой стран Запада // Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940. М., 1994. Кн. 2.
6. Осоргин М. Литературное обозрение. 1992. № 3–4.
7. Осоргин М. Сивцев Вражек. М., 1927.
8. Осоргин М. Современные записки. 1992. № 13.
9. Слоним М. Два Маяковских // Литературное обозрение. 1992. № 3–4.
10. Слоним М. Живая литература и мертвые критики // Литература русского зарубежья. М., 1990. Т. 1. Кн. 2.
11. Цветаева М. Эпос и лирика современной России // Новый град. 1933. № 6–7.
12. Чельшев Е.П. Избранные труды: В 3 т. / Е.П.Чельшев; Отд-ние лит. и яз. РАН. М., 2001. Т. 2: Русская культура в мировом контексте. 2002.
13. Чириков Е. Зверь из бездны: Поэма страшных лет. Прага, 1926.
14. Шмелев И. Солнце мертвых: Эпопея. Париж, 1923.

¹ Осоргин М. Сивцев Вражек. М., 1927. С. 218.

² Шмелев И. Солнце мертвых: Эпопея. Париж, 1923. С. 26.

³ Чириков Е. Зверь из бездны: Поэма страшных лет. Прага, 1926. С. 78.